

общественных пороков. Более частная — дать примеры и антипримеры для своих современников. История для него — прежде всего учительница жизни. Ясно, что такой подход великого падуанца достаточно далёк от того, что мы называем исторической наукой в современном смысле (да и в древности некоторые авторы демонстрировали более строгий подход). Однако его стремление видеть исторические события более с точки зрения их участников, чем с точки зрения объективного регистратора, кропотливо сличающего источники для выявления истины (этим последним Ливий мало занимался), отчасти созвучно с современными попытками историков воспринимать каждую эпоху в её собственных понятиях. Его очень часто интересовали интерпретации событий, почему он и приводил различные мнения предшественников, не высказывая порой даже собственной точки зрения.

Уже было сказано о профессионализме Ливия — писательство стало для него не только главным родом деятельности, но и образом жизни. Возвращаясь к мотивам, которые подвигли его на создание столь грандиозного труда, нужно подчеркнуть, что сам Ливий и даёт ответы: это и своего рода бегство от действительности, для него малопримлемой (ведь он считал своё время более порочным, чем минувшую пору Республики), и «трудоголизм», как мы бы выразились сейчас. Характерно, что Ливий говорит о мотивах сугубо личного характера, а не о стремлении принести пользу Риму. За это его будут впоследствии критиковать, более того, спор о том, должен ли художник — в широком смысле — подчинить своё творчество служению государству или же дистанцироваться от него, стал особенно актуален уже в современную эпоху — в XX веке. Всё же представляется, что, исходя в своём творчестве из внутренних побуждений, великий падуанец послужил памяти о своём отечестве более, нежели многие и многие выдающиеся полководцы и государственные мужи Древнего Рима.

Л. Г. ЕЛИСЕЕВА (МГУ имени М. В. Ломоносова)

ОГЮСТ ДЕ ШУАЗЁЛЬ-ГУФЬЕ — ЕГО РОЛЬ В МИРОВОЙ ЭПИГРАФИКЕ

Огюст де Шуазёль-Гуфье родился 27 сентября 1752 года в Париже. Он принадлежал к известному с эпохи каролингов во Франции роду. В коллеже Огюст де Шуазёль увлекся историей античного мира. Своей любовью к Греции он обязан знакомству с Жан-Жаком Бартеlemi, автором «Путешествия юного Анахарсиса в Грецию в половине четвёртого века до Р. Х.». Пропитанная идеями гражданской свободы древних, книга имела большой успех, в том числе и в России, среди её вдохновенных читателей были Карамзин, Грибоедов, Пушкин.

Шуазёлю было недостаточно представлять Грецию только по книгам. В 1776 г., уволившись с военной службы на фрегате Аталанта, двадцати четырёх лет от роду он отправился в научную экспедицию. В Греции он изучал народный быт и зарисовывал древние памятники. В 1782 году, вернувшись во Францию, он опубликовал первый том книги «Живописное путешествие по Греции» («*Voyage pittoresque en Grece*»); два следующих тома вышли в 1809 и 1822 годах), книга, которая имела головокружительный успех во всей Европе. После этого его избрали в Академию надписей и изящной словесности, а спустя два года — и во Французскую академию.

Академическая жизнь графа пришлась на бурный период Революции, Конвента, Консулата, Империи, а затем Реставрации. При Людовике XVI, в 1784 году Шуазель-Гуфье отправился в Константинополь в качестве французского посла. На этом посту он продолжал исторические изыскания. По его распоряжению был раскопан курган, который историческая традиция связывает с гробницей Ахилла. Также по его поручению в 1788 г. французский консул Фовель попросту спилил блок подлинных скульптур с «Эргастинами» с восточного фриза Парфенона (ныне в Лувре). Не брезгуя подобными методами, Шуазель-Гуфье собрал большую коллекцию античных надписей и древностей. Сам французский консул Фовель также собрал огромную коллекцию мраморов и надписей, под его руководством делались слепки античной скульптуры. Кроме Атики он собирал ещё и памятники других регионов — Малой Азии, Балкан, Северного Причерноморья, в том числе из Ольвии. К сожалению, коллекция Шуазеля сильно пострадала из-за событий конца XVIII в. Одна часть коллекции погибла во время пожара в Смирне. Другую захватил адмирал Нельсон, и она таким образом попала в Британский музей. А третья часть его коллекции была отправлена морем в Одессу перед его эмиграцией в Российскую империю, но дальнейшая её судьба неизвестна, в Одесском порту следы трёх кораблей, нагруженных античными мраморами, теряются.

Стоит отметить, что именно Шуазель-Гуфье, на основании своих путешествий в северо-западной Анатолии в 1785 г., задолго до Г. Шлимана высказал предположение, что руины Трои надо искать поблизости от холма Гиссарлык.

Когда во Франции в 1789 году началась революция, в Константинополь прибыл новый посланник, Шуазель-Гуфье отказался отсюда уезжать, после чего во Франции у него конфисковали имущество (Шуазель имел земли в Шампани и недвижимость в Париже), а его самого исключили из обеих академий. В конечном итоге де Шуазель обратился к Екатерине II через А. В. Суворова с просьбой принять его в России и, получив её согласие, в 1793 г. иммигрировал в Российскую империю и вместе со своим старшим сыном Антуаном-Луи-Октавом прибыл в Петербург, где был принят с большим сочувствием к его судьбе.

Императрица сначала прониклась к Антону Густавовичу симпатией и пообещала место президента Академии художеств. Однако назначения в Академию художеств так и не случилось, а француз, напротив, попал в опалу. После воцарения Павла I Шуазель-Гуфье был пожалован в тайные советники и назначен президентом Академии художеств, главным директором Императорской публичной библиотеки для наблюдения за сохранностью книжного собрания, а позднее — президентом Академии художеств.

Вскоре Павел пожаловал графу в вечное пользование земли в Курляндии, на территории современной Латвии. Старший его сын женился на русской аристократке, его потомки жили в дальнейшем в России, к числу их принадлежит Н. А. Бердяев.

Современники графа Шуазель-Гуфье, особенно из числа французских эмигрантов, не высказывали критических замечаний о его деятельности в качестве президента Академии художеств. Каково было мнение об иностранце среди русской знати? Его внешность описывали так: «Небольшого роста,

приземистый, держал руки округлённо; его лоб с огромными торчащими чёрными бровями походил на продранный матрас; чересчур маленький нос придавал ему сходство с попугаем; в его взгляде было что-то принуждённое; цвет лица был очень красный, выражение лица скорее хитрое, нежели умное; свою врождённую робость Шуазэль старался скрыть под самыми обыденными манерами». Современники отмечали склонность графа к женскому полу, которую он умел совмещать с любовью к антикам. Адам Чарторижский, описывая салон жены князя Михаила Голицына, упоминал, что княгиня «держала в своих цепях графа Шуазэль-Гуфье. Тот превратил дом княгини Голицыной в музей изящных искусств». Интересно, что князь Алексей Долгоруков удосужился разыскать «еврея Саломона», который в корыстных целях вёл «собственные тайные раскопки», продавая найденное Шуазэлем-Гуфье. Подобная практика скупки учёными древних артефактов у кладоискателей характерна для всей археологической науки XIX — начала XX в., а в ряде случаев и позднее. Но всё же все отдавали должное знаниям де Шуазэля.

В конце правления Павла I де Шуазэль снова оказался в опале и задумался о возвращении на родину, что стало возможно уже при Александре I, который лично содействовал этому. В результате графу удалось вернуться во Францию в марте 1802 г. В период Империи родина встретила его не очень ласково, так как граф не признал власть Наполеона, но после Реставрации он был полностью восстановлен в правах. Вплоть до своей смерти в 1817 г. Шуазэль-Гуфье продолжал поддерживать отношения с некоторыми французами, оставшимися в России. Умер он 20 июня 1817 года в Ахене (Экс-ла-Шапеле), в конце жизни пожертвовав свою коллекцию, которая ныне находится в Лувре.

**Е. Э. ЮРЧИК (МГУ имени М. В. Ломоносова,
Литературный институт имени А. М. Горького)**

А. С. ТРАЧЕВСКИЙ (1838–1906) — РУССКИЙ ИСТОРИК-ИСПАНИСТ

Российская школа научной испанистики, ориентированная на изучение новой истории (XVIII — нач. XX в.), начала формироваться в 70-е годы XIX в. Первым трудом по истории Испании в российской историографии был труд Александра Семёновича Трачевского «История Испании девятнадцатого века», посвящённый событиям 1788–1823 гг. [см.: 15].

Научные интересы А. С. Трачевского и его преподавательская карьера не были связаны с историей Испании. Выпускник Московского университета, он в 1869 г. защитил магистерскую диссертацию «Польское бескорольеве по прекращении династии Ягеллонов», а через восемь лет — докторскую диссертацию «Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II: 1780–1790 г.», которая была удостоена Уваровской премии. В дальнейшем Трачевский обратился к истории Германии и Франции XIX в., истории международных отношений наполеоновской эпохи, активно работал в архивах Министерства иностранных дел. В частности, его трудами в «Сборнике императорского исторического общества» были издана подборка материалов «Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I» («Документы Архивов парижского и петербургского» за 1800–1808 гг.). Академическая карьера А. С. Трачевского сложилась вполне